

Анатолий ЕГИН.

БРАТ

1

Осень уже собиралась переходить в зиму, и по ночам подмораживало. Днём было хмуро, сыро, зябко и как-то пакостно на душе. Ветер пытался всё это исправить, поднять с земли мокрые, жёлтые листья, собрать их в кучи, подсушить дорожки, но у него ничего не получалось. Да ещё люди! Они безжалостно топтали то, что ещё два-три месяца назад радовало их, давало тень, укрывало от дождя. Но никто ни вспоминать, ни думать об этом не хотел. Каждый спешил от слякоти в тепло, не разбирая дороги. Скорей, скорей.....

Николай Сергеевич многие годы не видел такого. Нет, не потому, что не замечал, просто некогда было смотреть в окно. А сегодня он один, даже странно, один дома. Упрямо смотрит в окно на то, как суетятся люди, как дворники бессмысленно метут дорожки, и ругает себя. А в душе его кто-то скребёт, переворачивает и перемалывает её изнутри. Он злится на себя за то, что не может совладать с внезапными вспышками гнева. Необузданного, незнамо откуда приходящего. В те короткие мгновенья он мог резануть то, что напрочь перечёркивало годы труда по созданию блага и спокойствия в семье.

И это он, Николай! Он, который психологически и материально «охранял» людей, ждавших от него решений и знавших, что в любую трудную минуту он найдет правильный выход. Не оставит никого в горе, пожалеет, приласкает, найдет доброе слово, которое облегчит душу.

Он умел владеть собой, как никто. Чем сложнее ситуация, тем активнее он вникал в нее и быстро находил правильное решение.

А эти вспышки гнева? Они были адресованы только одному человеку — его родному брату Борису. Но почему? Николай сам не мог понять этого. Брат как брат. На пять лет моложе. Одна мать, один отец. Да, непохожи внешне. Ну и что? Борис в отца — черный. Ростом пониже Николая, да волос смоляной и жёсткий, как кобылий хвост. Глаза узковатые, с хитринкой и улыбочка с усмешкой в усы. Видать, гены монгольские где-то прорвались. Но голос, голос-то у них с братом один — по телефону и не отличишь. Да и манера разговаривать, жесты, походка, ну всё-всё одинаковое. Внешне только разные.

Николай — белый и волосом, и телом. Не сказать, что очень здоров, но высок, статен и силушкой Бог не обидел. Славянский корень во всём: широк, душа нараспашку, в движениях и в мыслях скор. Дела делал основательно.

Правда, с детства вступал в жизнь скромно, всё уединение любил, природе радовался. Учеба особо не увлекала, все старался в лес или на речку убежать. Тут уж была гармония полная: хоть рыбу ловить, хоть зверя, хоть по деревьям лазать иль по глубокому снегу ходить — всё в удовольствие, всё душу тешит.

Когда учился в старших классах, случайно услышал разговор учителей: «Николай твердый троечник, и толку из него большого не будет. Так себе парень — середнячок. Науки не для него». Тогда-то он взялся за учебники по-настоящему. Почитал повнимательнее — многое стало ясно. Экзамены в школе сдал только на «отлично». В институт поступил легко.

С Борисом с детства жили дружно. Николай любил его и повсюду таскал за собой. И не дай бог кому-то обидеть брата! Только уже с детства находило вдруг на Николая: глянет, бывало, Борис вполборота на брата, улыбнётся, прищурясь, — трах! Оплеуха. И тот не знает, за что. А Николай? И он не знает. Только после этих взглядов в душе Николая что-то

мгновенно переворачивалось: в голове темнело, рука напрягалась и рвалась к действию. Николай потом жалеет, мучается, не знает, чем вину искупить, всё Борису прощает.

Подросли братья, старший и по жизни младшего вёл. Борису и думать не надо было порой. Если Николай в политех, и Борис следом А там и объяснять не нужно, кто ты есть. Фамилию все знают. Николай за что ни возьмётся — везде лидер. А Борис в лучах его известности. Когда заканчивал институт, Николай уже на большом заводе в начальниках ходил, не в первых, правда, но уже близко к тому. Борис вновь оказался при брате. Вроде и не бьёт уже, больше словом режет. Да так, бывало, зло при посторонних обидит, хоть плачь. Борис терпит — брат есть брат, а Николай обидеть не успеет — как сто добрых дел сделает.

Борис жил весело, просто жизнь любил, каждому дню радовался.

Николай на природу брата возил, но не вдохновляли его ни рыбалка, ни охота. В жизни есть кое-что и получше: танцы, песни, хорошенькие девушки. Борис на них с детства заглядывался, и они любили весёлого парня.

Борис и работал легко, решения инженерные будто кто-то сверху ему подсказывал. В конструкторском бюро порой месяцами головы ломают, а Борис глянет, усмехнётся в усы, прищурится, анекдот расскажет, а через несколько дней и решение выдаст. И всё без сложных формул и расчётов. Коллеги ахнут: «Всё ясно! Фамилия-то вон какая!»

Так и жил. Но со временем Борису начало надоедать нежиться в лучах славы брата, стал задумываться: «Мужик я или не мужик? Что за братом волочусь? Самому жить пора». Все решения стал принимать сам, ни с кем не советовался. Быстро женился. У родственников создалось впечатление, что первой девчонке, которую встретил на заводской проходной, сделал предложение. Жену в охапку — и на Север работать. Родители отговаривать пытались, да только хуже сделали, настырный парень получился — «сам с усам». Ну и ничего. Жизнь она тем и интересна, что неожиданна. Борис работает, письма пишет редко, летом в отпуск всё больше в Крым да в Сочи. К родителям на два-три дня заскочит, внуков им покажет — и привет!

Николай Сергеевич брата из виду не упускал. В системе-то одной работали, всегда находились коллеги, кто весточку от брата принесёт. Сам Николай круто вверх пошёл. Смолоду ещё орденами да званиями увешивали, завод огромный под крыло отдали, в министерство звали — не поехал. Он больше дело любил, а не бумагу изводить. Да и врать не хотел людям. Всё больше и больше осознал, что в партии коммунистической — враньё и ворьё бесталанное. Ох, и радовался, когда перестройка началась. А потом наслушался демагога лысого, плюнул в сердцах и сел думать, как завод сохранить, людей без дела не оставить. И сохранил! Кругом всё рушилось, падало, люди стонали, а у него всё: и заказы, и работа, и зарплата. Трудно это давалось, зато удовлетворение, на душе легко: «Могу!»

Борис к тому времени тоже известность обрёл. Нет, начальником он не стал, но конструктором в системе министерской стал лучшим. Где чуть что — зовите Бориса. Пусть думает.

Николай как-то в командировку на Север махнул. Ясное дело, к брату в гости заехал. В доме радость! Не виделось-то сколько? Года два, пожалуй. На столе всё самое лучшее. Разговоры, воспоминания. Племянники подросли, уже в школу бегают, к дядьке ластанся. Жена Бориса улыбается, суетится на кухне, новые яства на стол выставляет. Всё хорошо, да что-то не так. Глянул старший внимательно — ясно стало. Утром спросил Бориса: «Ты зарплату когда в последний раз получал?» Младший глаза опустил: «Да с полгода назад».

Николай деньги все, что с собой брал, на стол выложил: «Получишь — отдашь. Понял? Да, и вот что, хватит здесь небо коптить, домой собирайся. Я помогу».

Борис задумался: «А что, и правда, домой ехать надо». Но собирался долго, больше года. Николай Сергеевич и квартиру поменял ему, и дачу купить помог. О работе и слов нет, на заводе сам хозяин, куда хочешь человека пристроит, да и берёт-то лучшего спеца в своём деле.

Мать радуется. Вся семья в сборе — дети, внуки все рядом. Живи и благодари судьбу на старости лет. Но нет покоя матери. Старший сын как с ума спятил. Ни с того ни с сего на

Бориса налетает. Тот и слово молвить не успеет, а он уже его недоумком называет, да при жене, при детях. Борис молчит, в душе переживает.

Мать с Николаем на эту тему и говорить боится. Скажет, тот набычится, молчит. Тоже, видно, мучается. Стыдно. А неделя-другая пройдёт, и опять врежет брату. А тут и Борис на дыбы встал. Терпению всякому конец приходит. Матери сказал:

— Всё, ухожу от Николая! Голодным сидеть буду, а работать с ним не могу.

И Николай Сергеевич сам не свой. Вчера на совещании о новом изделии разговор шёл. Все главные спецы говорили, да как-то вокруг да около. До Бориса очередь дошла. Он поднялся, хмыкнул в усы, глаза сощурил, но рта открыть не успел, как Николай Сергеевич выдал:

— А ты только жрать чужое можешь! Мыслить! Мыслить надо! Пошёл вон!

Борис хлопнул дверью.

Главный инженер поднялся с места:

— Ну зачем вы так, Николай Сергеевич? У Бориса великолепные мысли. Вот его чертежи, вот расчёты. Лучше и не придумаешь.

Николаю нужно было несколько секунд, чтобы понять: это же как раз то, что нужно, над чем уже полгода думал весь завод. Ну, молодец брат! Ну, башка!

Совещание закончил, все молча разошлись, а у него на душе тяжесть, будто гиря висит пудовая. Гад я! Гад! За что я его так?

Домой уехал раньше. Вечер пасмурный, слякотный, ночь долгая, промозглая, до утра не спал. Утром на работу не пошёл. Обойдутся день без него, не встанет завод. И сдохнешь — не встанет! Садись-ка, Коля, выход ищи. Не найдёшь — лечись.

Никогда с ним такого не было: дома тишина, все домашние на работе, а он дома, один, в кресле сидит, душу переворачивает, сопоставляет, прикидывает. И день уж к концу, поздней осенью смеркается рано. Нет, не может расшифровать свой недуг Николай Сергеевич. Мужик решительный: «Всё! Завтра к психиатру». Встал, налил чаю, включил телевизор. Надо отвлечься. Снова сел и уставился на экран.

2

Там новости: где-то пожар, где-то стреляют. Но Николай не слушает, у него свои мысли. Экран вдруг погас и тут же засветился вновь. Появилась женщина. Она медленно приближалась, росла, её белые одежды светились каким-то необычно приятным светом, а улыбка на лице была до боли знакомой. Николая охватила тревога, тело онемело и отяжелело. Он хотел подняться, но не мог, не мог и тогда, когда к нему подкатил дикий страх, ибо женщина сошла с экрана и встала перед ним в полный рост. Страх был мгновенным, до тех пор, пока женщина не погладила его по голове: «Чадо моё, Нивратушко, не узнал маму?» Ветерок блаженства прокатился в душе Николая. Что-то близкое, родное, манящее было в этой женщине. И имя это Нивратушко, Ниврат, это его имя. Его! Так его звали, но где? Когда? Он смотрел на неё, и её ласковые губы шептали: «Успокойся, чадо моё, успокойся. Много лет ты так не волновался. И не нужно тебе это. Приляг на лежанку, закрой глаза, сейчас всё вспомнишь, всё увидишь, а я рядом буду». Она легко, как мать своего младенца, подняла Николая, положила на диван, подушку подбила поудобнее и начала петь ему старинную колыбельную песню.

Николай Сергеевич закрыл глаза. Нет, он не уснул, сознание работало ясно. Глаза закрыты, он всё видит. Уши уже не слышат шума большого города со скрежетом трамваев. Николай слышит другое. Он слышит и видит всё, что было с ним лет 750 назад.

3

Ниврат бежит по большому лугу вдоль реки. Он вырос чуть выше травы, чуть выше жёлтых, белых и лиловых цветочков. Солнце! Много солнца! Мама бежит сзади и кричит: «Стой, стой, пострел! Упадёшь, расшибёшься». Он оборачивается. Вот она, его мама. И Николай Сергеевич понимает, что это она сейчас сидит с ним рядом на диване, положив руку

на его голову. Это она показывает ему картинки из его детства, первого детства на этой Земле...

Мама догоняет Ниврата, подхватывает его, он вырывается, прыгает на землю, и они, взявшись за руки, идут и идут по лугу, поднимая перед собой бесчисленное множество стрекоз, бабочек и пчёл. Вдруг из-под ног вспорхнула перепёлка. Ниврат зажмурился, присел, и мама присела рядом. Русая коса, перекинута вперёд через плечо, ласково коснулась щеки Ниврата: «Сынок, глазки открой. Не пугайся птахи небесной и зверя лютого не бойся. Бойся человека злого».

— А какие они, злые люди, мама?

— Увидишь, сынок, ещё увидишь, — вздохнула мать.

Они подходили к полю, там на другом его краю увидел Ниврат отца и понёсся к нему во весь дух, затерялся в ещё неспелой ржи. Отец шёл навстречу ему огромными шагами. Раз, и Ниврат взлетел вверх к синему небу, к белым облакам. Отец поймал его в свои большущие ладони, прижал к себе и бородой провёл по лицу: «Расти скорее. Видишь, какой хлеб убирать надо, мы с братьями без тебя не управимся...»

И Ниврат рос. Лет пятнадцать ему было в ту пору. Зимой в субботу вечером с братьями, распаренные, в избу ввалились. Отец за столом с каким-то гостем сидит, мама хлопочет, на стол собирает. Они присели на лавку, что у печки, и притихли. А гость тот отцу рассказывает, что будто народ объявился злой и чёрный и так много его, что саранчи в поле. Все конные, стрелы каленые, сабли кривые, жгут города и сёла русские, скот уводят, девок молодых бесчестят, баб мужних насилуют, а какая глянется, с собой тянут. И нет тем злодеям преграды. Князья рать собирали, да всех ратников эти татары побиили.

В диком поле мёртвых рязанцев не сосчитать, тысячи полегли и князь Фёдор с ними. Говорят, скоро на Рязань пойдут, а это значит, и нас не минуют.

Бежать бы в лес, татары туда боятся ходить, им только в чистом поле хорошо...

Отец затылок почесал: «Бежать-то бежать, а куда от своего убежишь? Авось мимо пройдут или отгонит кто. Да и воевода рязанский — воин бывалый, не таких бивал». Но трёх дней не прошло, человек из Рязани прискакал мужиков собирать, землю русскую, рязанскую защитить от нехристей.

Отец собираться стал. Рогатину, что на медведя ходил, прихватил да еды в суму холщёвую. И пошли мужики через поле заснеженное, за лес тёмный. Здоровенные, крепкие, как медведи, сила и удаль играла в них. Таких разве свалишь? А бабы рыдали, на все голоса вопили: «Ой, да на кого вы нас покидаете? Ой, да не увидим вас больше, соколики наши ясные». Лишь мать Ниврата Любава слова не проронила. Стояла, опустив руки, и долго смотрела, как любимый её уходил и уходил от неё. Уже и малую рать деревенскую не видно, а она всё видит и видит его печального.

И ещё неделя прошла в трудах праведных. Лихая весть в деревню пришла: татары Рязань осадили, собралось их под городом видимо-невидимо, рыщут под стенами, как волки, думают, с какой стороны город брать.

Татары не только Рязань осадили, сотнями метались по окрестным деревням, превращая их в пепел, угоняя скот, отбирая хлеб, пленя женщин. Ой, горе горькое покатилося по земле русской...

В тот день солнце уже высоко стояло и мороз несильный был. Любава у печи возилась, хлебный дух уже потянулся, вот-вот караваи вынимать надо. Чу, шум с улицы донёсся, собаки неистово забрехали, заревела скотина. На улицу выбежала прямо в сарафане с головой непокрытой. Налево повернулась, а там от крайних изб дым валил и чёрные всадники с гиканьем неслись по деревне. Впереди бежали ребята и падали, падали под стрелами в снег. Девки не убивали, арканами ловили, за косы хватили, на коней тащили, те орали, царапались, кусались, но жёсткие татарские плётки быстро успокаивали их.

«Мои-то где? Мои? Ребята!» Любава металась вокруг избы: «Где? Где они?» Но никого из детей не видела. И, уже понимая, что нет спасения, на колени в снег встала и начала молиться. Молилась, яростно отбивая поклоны. Молилась не за себя, за детей молилась и за этих нехристей-татар: «Мать святая, пречистая и непорочная Дева Богородица, вразуми

эту чернь, останови зверей в облике человеческом. Ой, сгорят они, сгорят в геенне огненной за свои деяния. Вразуми их! Останови! Детей губят, но и сами пропадут, глупые!»

Вот тогда услышал её Ниврат. Он побежал к матери, хотел поднять её с колен, спрятать, закрыть собой, но было поздно. Татарин на рыжем коне приближался к маме быстрее, а она стояла на коленях и молилась, будто не видела, как взмахнул он саблей. Ниврат видел, как на снег текла кровь, его родная кровь, от крови в глазах всё стало красно. Кинулся было к маме, но какая-то сила толкнула его, и утонул он в сугробе с головой, то ли сознание потерял, то ли забылся...

Очнулся — темно, тишина и холод. Присмотрелся — всюду уголья тлеют. Поплёлся к родному пожарищу. Тупо глядел на догорающие брёвна, польза от них теперь одна — согреться можно. Ниврат не думал, не хотел или не мог, он не знал, и куда идти, где ночь коротать, есть ли живые люди ещё в деревне.

Кругом пахло гарью и смертью. Ниврат сел рядом с пепелищем. Сколько просидел, не знал, но рассвет привёл его в чувство. Встал, пошёл — вот мама лежит, вот братья со стрелами в спинах, вот соседка-старуха Невериха. Ой, сколько много их. А похоронит ли он всех один? Упокоит ли их тела? «Простите, люди добрые, простите, сначала своих».

Ниврат притащил маму и братьев к пепелищу хаты, разбросал тлеющие брёвна и начал копать оттаявшую землю. А когда насыпал бугорок на могиле своих, помолился и дальше пошёл, к следующему пепелищу, и там грыз землю, и там хоронил людей русских. Упокой, Господь, их души! Вроде всех похоронил. Пошёл посмотреть, не забыл ли кого. В сугробе что-то серело, наклонился — каравай, хлеб промерзший. Сколько ж дней он не ел? Только сейчас, взяв в руки хлеб, ощутил голод. Ел не спеша, нагрел в какой-то плошке горячей воды, прихлёбывал и думал..... Потом опять пошёл вдоль сгоревшей деревни, собирал татарские стрелы. Лук нашёл татарский, видно, кто-то из наших татарина зацепил, не всё ж им людей губить. Потом повернулся, поклонился могилам и, не оглядываясь, пошёл туда, куда отец уходил, через поле к лесу. Он шёл к Рязани, шёл к отцу, шёл и не знал, что нет Рязани, нет отца, нет никого, только ветер гуляет по пепелищам над Окой да ожиревшие волки тоскливо воют в ночи. А им-то что тосковать? Пир у татар — пир у волков. А у Ниврата тоска душу переворачивает, но он идёт, не плачет. Из него теперь слезы не выдавишь.

Глянул, в поле точка замелькала. Не татарин ли? Нет, татарин на коне должен быть, а этот пеший. Татарин один не пойдёт, волки стаяй ходят. Но на всякий случай стрелу к тетиве приложил. Встречный шёл прямо на него и топор из-за пояса вытащил. Ниврат спросил первый:

— Ты откуда идёшь, дяденька?

Тот улыбнулся:

— Слава богу, русский. С Рязани, дитятко, с Рязани.

Вот тут-то и узнал Ниврат всё про Рязань. Шесть дней она только и простояла. Сжёг её Батыга-хан. Куда ж теперь? Пригорюнился Ниврат.

— А ты, дядя, куда? Возьми с собой.

— Что не взять, людей иду искать. Вот тебя уже нашёл. Зовут-то как?

— Ниврат.

— А меня Живило. Не зря люд так прозвали. Почитай, на всю Рязань один жив и остался. Пошли, Нивратушко, в лес, эти косоглазые его ой как боятся.

И пошли они в сторону Пронска.

— А тятя сказывал, за Окой леса чаще, — заговорил Ниврат.

— Чаще-то, чаще, ан и татары за Оку к Москве подались. Здесь их теперь мало осталось, но есть, рыщут, уцелевшие сёла ищут.

Люди из разорённых деревень в лесах собирались. Лес всегда русского человека выручал в лихие годы. И кров давал, и стол накрывал, и от злого глаза прятал. Нашли Живило с Нивратом людей в чаще лесной. Зиму дружно в шалашах да землянках прожили, а с весны избы ставить начали. Ниврат к Живиле, как к отцу родному, прилип. Избу одну ставят и припасы съестные вместе заготовливают. Ниврат мужает, уж и бородка рыжая

пробивается. В отца пошёл: в плечах сажень косая, в руках сила большая и умом Бог не обидел.

Ловок парень был, быстрый, как рысь, лису за хвост ловил, кабана рогатиной брал. И на девок глядеть стал по-другому, да и они при виде его краснели и глазки опускали.

Боль в душе только не утихала, мама снилась да братья. Мама, когда во сне приходила, руку на голову Ниврату положит и молчит, он по ночам плакал, просил её вернуться. А она всё молчала да смотрела на него с тоской. Однажды только сказала: «Жениться тебе надо, дитятко. Пора подошла».

А Ниврат и сам поглядывал на Ясну. В прошлом году ещё долговязой девчонкой была да как-то быстро превратилась в статную девушку с высокой грудью, белым лицом, сияющими голубыми глазами. А во взгляде и походке что-то от Любавы, матери Ниврата, есть. Ниврат всё чаще и чаще на неё смотрит, а мимо пройдёт, улыбнётся, и она зардеет, как маков цвет, убежит, за избу спрячется, глядит вслед Ниврату, а сердце в груди колотится, стучит.

Пристал Ниврат к Живиле:

— Засватай, дяденька, Ясну. Хозяйку хочу в дом привести.

— И то правда, должно, парень, твоя пора подошла.

Сватанье недолгим было, да и свадьбу скоро сыграли, как могли. Весь лесной народ собрался. Избу молодым нехитрую поставили, и зажили они, как все русские люди живут. И мать к Ниврату по ночам приходила перестала. Боль в груди утихла, Ясна лаской её оттуда вытаскала.

Зимой мужики на совет собрались. Нет возможности русским людям без хлеба жить. Ни пахать, ни сеять в лесу нельзя. К полям выбираться надо. Да и татары не так лютуют, как прежде. Надо, надо к полям поближе.

По весне подались на опушку, временные избушки сколотили и давай поля пахать да рожь сеять...

Татары объявились, когда хлеб жать начали, снопы на полях встали. Десятка два всадников на рысях приближались к работающим в поле мужикам и бабам. Те бегом в кучу стали собираться, косы да серпы прихватив.

Николай Сергеевич оторвал голову от подушки и почти открыл глаза. Любава, сидевшая рядом с ним, материализованная лишь на несколько часов Божьей Матерью, знала, что видит сейчас её сын, и положила вторую ладонь на его голову. Николай-Ниврат успокоился, только под рукой Любавы нервно билась, пульсировала артерия. Нет, не успокоился совсем. Вот сейчас он увидит...

4

Татары приближались, они окружили русских, сбили в плотную кучу. Вперёд выехал главный — Баскак. И чем лучше видел его Ниврат, тем сильнее билась жилка на виске Николая: это же Борис, он, всё его, лицо, стать и улыбочка в усы, сузив глаза. У Бориса нет только клочка волос на бороде...

Баскак ухмыльнулся:

— Не боись, убивать не буду. Вы все подданные царя Батыя, ему служите, а я его Баскак. Для вас здесь я — царь. Как скажу, так и делать будете. Кто слушать не хочет — башка с плеч. Работайте, я смотреть буду.

Мужики не расходились, опасаясь, что по одному посекут татары.

— Работайте! — Баскак поднял плетень. — Убивать не буду. Работать не будете, убью!

Ниврат стоял почти у стремени баскакова скакуна, и тот огрел его нагайкой. Сыромятный ремень крепко впился в кожу через треснувшую рубаху...

Мужики и бабы разошлись по полю. Всё валилось из рук. А татары крутились вокруг, высматривали что-то.

Потом нукеры вновь стали сгонять русских в кучу. Баскак опять сузил глаза, хмыкнул в усы, оттого рожа его стала ещё шире, а глазки исчезли за отёчными веками.

— Через десять дней приеду, половину хлеба увезу у каждого. Так царь хочет.

Развернул коня, и нукеры за ним вслед.

Мужики, что ни день, рожь молотят, веют да совет держат. И так и эдак смекают. И раньше брал князь, и попы брали, не столько же. А что делать? Жить-то надо. А без хлеба что за жизнь? Не одолели татарина — плати дань.

К назначенному сроку хлеб подготовили. Баскак долго считал, ещё с каждого по кулю взял. Кто рот открыл — плетью получил. Эх, жизнь!

Баскак уехал, да ненадолго. Мужики хлеб в лес свезли, в сусеки свои. Смекают: не заберётся в чашу татарин, хоть осень да зиму проживём спокойно.

Но Русь без доброхотов не жила. Нашлись людишки «добренькие», проводили татар до деревеньки лесной. Баскак дворы все объехал, языком цокал: «Жечь не буду, убивать не буду, дань собирать буду». Избу Ниврата вокруг объехал:

— Хорошо живёшь. Завтра приеду, три куля хлеба возьму и овцу.

Ниврат побледнел, к топору потянулся, а Ясна сзади по спине гладит: «Оставь, Нивратушко, не шали». Остыл Ниврат, да только снаружи, а внутри кипит

— Хлеба пожалеешь, жену возьму? — сощурил глаза Баскак и поскакал к другому двору.

Татары из леса засветло ушли, а с рассветом опять дань собирать. Ниврат свои кули грузить не стал: «Сам возьмешь». Плеть Баскака зависла над его головой, но опуститься не успела, вырвал её Ниврат из рук татарских. Развернул, замахнулся, но аркан крепко обвил его тело, свалил с ног.

— Пороть его, пороть! — визжал Баскак.

Ниврата привязали к двум столбам, и пошла гулять плеть татарская по телу русскому. Не разбирает, глупая, куда ложиться, не жалеет, до крови сечёт. Ниврат молчит, губы закусил, ни слезы, ни звука. А плеть сечёт без устали. Уже круги чёрные перед глазами поплыли. И последнее, что Ниврат видел, сознание теряя, как Баскак Ясну его на коня точно вьючный мешок взвалил... Люди на пожар сбежались, но разве спасёшь хату, со всех углов запаленную. Свои еле отстояли, не дали сгореть деревне. Ниврата, до полусмерти засечённого, Живило в свою избу принёс, травами отпаивал да раны промывал. На третьи сутки пришёл в себя парень, а Ясну днем похоро-нили.

Баскак Ясну из леса в поле вывез, с коня слез. Нукеры ковер постелили, Ясну наземь поставили, руки развязали. Баскак подскочил, рубашку с неё сорвал, и замаслились его глазки, и дыхание кислотиной стало чаще. Ясну к себе прижал, слюнявит, а та нож на поясе Баскака нащупала, вытащила и...

Нет, хорошие воины у Батыя были, хорошие! Дед его, Чингисхан, порядок ввёл: сам пропадай, а начальника береги. Зорки воины Батыя, быстры. Калёная стрела со спины вошла прямо в сердце Ясны. Обмякла Ясна в объятиях Баскака; нож выпал из рук, тот толкнул её, мёртвую, животом и грязно выругался. На коней, на коней, татары!

Ой, сколько ещё таких девок да баб будут и помирать, и детишек чернявых рожать. Только по-русски детки говорить будут и думать по-русски.

5

Мечется Ниврат по избе, слаб ещё, и от ран слаб, и от тоски. Тоска старая на горе новое вдвойне навернулась. Ох, и тяжела она, тоска-кручина! Едва в силу входить стал, собрался потихоньку и подался Баскака искать. А его непросто найти, рыщет Баскак по дорогам, по деревням, последние соки из людей давит. Но Ниврат нашёл.

Татары краем леса ехали, не спеша ехали, смеялись. А Баскак сбоку, к лесу ближе. Ниврат, как рысь, тихо бежит, как рысь, к татарину на коня прыгает, ногу из стремени одним ударом выбивает. На земле Баскак, а ладони широкие Ниврата у него на шее. Захрипел Баскак, язык вывалил, узкие глазки вверх поехали, а зрачки вширь.

Полдюжины стрел вонзились в спину Ниврата, а руки ещё сильнее сжимали короткую шею татарина. Не отпустил он их и тогда, когда покатила срубленная саблей голова его по земле-матушке.

6

Душа Баскака поднялась над телом своим и начала метаться от злости. Это был он, Баскак, только лёгкий, воздушный, лишённый тела. Его тело там внизу душил этот белый медведь. Баскак прыгнул на коня. «Затоптать белого шайтана! Смять копытами!» Но конь стоял как вкопанный, ничего не слышал. Плеть, плеть! Он схватил её, но она не поднималась. Сам прыгнул на Ниврата и прошёл через него, как сквозь туман или дым. Бросился колотить нукеров, но и они ничего не ощущали. Баскак притих и увидел, как два ангела спускались с небес, подхватили его и понесли на восток, туда, к монгольским степям, где он впервые вступил на эту землю.

В ту же минуту покидал своё земное тело Ниврат. Покидал легко, без тоски. Где-то высоко-высоко он видел маму, отца, братьев. Чувствовал, что где-то рядом Ясна.

Ангелы недолго водили его по родным местам. И водить-то что? Вся жизнь короткая в одном месте прошла. Вот река родная Ока тихо скользит, вот деревня сожжённая, вот хата его, недавно спаленная. До свиданья, Живило. А больше и не за кем тосковать на этой земле, все раньше ушли туда, вверх, и он хочет к ним, и ему пора. Ведите, ведите скорее, ангелы, на суд Божий. Скорей бы к маме, к Ясне.

7

Матерь Божья и тридцать три её новых ученицы созерцали рассвет на одной из планет системы «Благодать». Лучи светила преломлялись через атмосферу планеты, волшебным озаряя горизонт. Разноцветие красок, меняющихся, как в калейдоскопе, и музыка, дивная музыка, льющаяся откуда-то сверху, наполняли души радостью и покоем. Думалось легко. Здесь всем думалось легко. Это была планета мыслителей галактики.

Матерь Божья тихо позвала:

— Любавушка, подойди ко мне.

Та в мгновение ока приблизилась к ней, переполненная предчувствием ещё большего счастья.

— Любавушка, сегодня эксперты закончили анализ интеллектуальных и духовных способностей твоего Ниврата. В его психоэмоциональном ростке заложены огромные возможности...

Любава слушала молча, вся её сущность ликовала.

— Нужна хорошая школа, — продолжала Матерь Божья. — Не торопись развивать именно этот росток. У аналитиков готова программа. Начнёте с планет второй ступени. Всё воспитание под твоим контролем, ты будешь старшим наставником совершенствования души Ниврата. Я полагаю, это хорошо отразится на его эмоциях, да и тебе пора начинать пробовать себя.

Любава поклонилась:

— Слава тебе, Мать Пресвятая Богородица, слава тебе!

Её трепетные и радостные чувства передались всем, и казалось, что краски рассвета наполнились ещё более необычным светом.

8

Ниврат схватывал всё на лету. Он схватывал, в него вкладывали. Вкладывали в буквальном смысле слова. Целые матрицы технических знаний вводили в его душу, так, как сеют зерно в землю, и они тут же давали ростки и увязывались в единую систему. Знания о времени, скорости, измерениях, структуре галактик и Вселенной. Ох, как это манило, как увлекало Ниврата. Он теперь знал, что Земля, на которой в биологическом теле началось воспитание его души, это лишь начало, самая ранняя ступень жизни, где, как на чистый лист, пишутся основные задатки и принципы. Всё остальное продолжается в космосе, в галактике триединого Бога. Если говорить по-земному, здесь создана пятиуровневая школа совершенствования душ, каждый уровень со своей системой планет. Души падшие, злые,

эгоистичные, души преступников попадают в низкую четвёртую систему. При хороших способностях совершенствования они переходят в третью, вторую, первую и затем — возжеленная мечта каждого мыслящего существа — система «Благодать». Особенно тяжёлый процесс совершенствования для людей, не обременявших себя этой заботой на Земле, думавших больше о теле своем, чем о душе. И если не выдерживает мыслящий индивид, если не могут помочь даже воспитатели — всё стирают в памяти и направляют душу чистую для нового рождения на матушке Земле.

Каждая мыслящая душа, появляясь в космосе, проходит через аналитический центр. Все знают — душа индивидуальна и за миллионы земных лет ни разу не повторялась. Каждой определяется уровень, ступень, с которой она начинает совершенствоваться. Чаще всего это третья и вторая ступени, редко первая и лишь единицы — праведники — сразу попадают на планеты системы «Благодать». Каждой душе приставляются свои воспитатели.

Ниврат счастлив, что рядом мама. Он знает, что она начала с первой ступени и быстро вошла в систему «Благодать», она уже воспитатель, она, его мама, достойна примера, и они бегут, бегут вместе по лестнице познания. В одном только нет спешки — в созерцании окружающего мира. Воспитатели медленно выводят из глубин психоэмоционального роста ненависть. То самое вредное чувство, позволившее убить человека. И нет здесь оправдания мотивам преступления, нет им объяснения. У совершенных мыслящих нет таких пороков, как зависть, ненависть, ложь. Ох и трудно удаётся избавляться от ненависти Ниврату. В его пышно расцветающем психоэмоциональном ростке души, будто тонкие струны лиры, звучит музыка эстетических сторон Вселенной, он тоньше других воспринимает красоты мироздания, волны света и цвета, его душа рождает дивные мелодии, которых ещё не знавали галактики. Но чем быстрее идут эти процессы, тем глубже ложатся под них, вплетаются мелкими частицами крохи ненависти, жившей с ним на Земле.

9

Баскак трудился над собой на планетах четвёртой ступени. Он ещё рвался повелевать, но что ни придумывал, всё приходилось исполнять самому. Он лучше бы трудился физически, но, увы, физического труда здесь не было. Технические знания, соответствующие уровню четвёртой ступени, в него ввели быстро, но развивать мыслительные процессы он должен был сам. Думать не хотелось. Думать должен хан, а он должен исполнять волю хана. Хан думать не приказывал. Но думать учили. Из души вытаскивали лень и зло.

Ах, это зло — чёртов порок души, можно ли его искоренить полностью и почему оно так быстро занимает все свободные ячейки в душе и почему так медленно покидает их? Над этим думают тысячи лучших умов Вселенной.

Однажды на уроке по структуре галактики Баскак наблюдал планеты второй ступени и на экране увидел Ниврата, этого белого русского зверя. Это он, он лишил его блаженства власти, пусть небольшой власти, но главное — возможности угнетать другие души, возможности топтать их, наслаждаться их унижением и своим превосходством.

«Уничтожить, уничтожить этого белого гада и здесь, — лихорадочно думал Баскак. — Баскак хитрый, Баскак будет думать, Баскак найдёт способ до него добраться».

Воспитатели отметили явный прогресс в совершенствовании Баскака, у него появилась тяга к познанию, оживились умственные процессы, появилась способность анализировать. Воспитатели были счастливы, что методика давала свои плоды. Баскака переводили на более развитые планеты четвёртой ступени.

И вот он уже не просто изучает структуру галактики по системам космической связи, он удостоен путешествия по ступеням. Он готовится к этому. Сам, дополнительно, во время отдыха воспитателей разыскал информацию о военных знаниях по системе защиты галактики. Он втайне тренируется мобилизовывать магнитную энергию для разрушения электронной защитной оболочки души — энергию космического убийства. Баскак хитрый, Баскак плачет, он показывает воспитателям тоску по родным душам, и те открывают ему

тайны поиска необходимой души. Но не родственники интересуют Баскака, он их не любит, они требовали много мяса, кумыса и шерстяных вещей. Он хочет найти его, белого медведя. Только скорее бы путешествие на планеты второй ступени.

Ниврат находился там. Он изучал системы защиты галактик, изучал по курсу общих познаний. Он знал, что это не его дело и этим заниматься ему никогда не придётся. Вот система сигнального оповещения галактики, отпугивающая система, система магнитной защиты входов в галактику. А вот и самое страшное оружие — деструктор памяти. Им можно превратить мыслящее существо ни во что, как говорят на Земле, в чистый лист бумаги.

Ниврат задумался над тем, как сложно создаётся душа, сколько энергии Вселенной расходуется на её становление. Как вдруг внезапно его охватило волнение. Он не испытывал такого давно, последний раз волновался при психологическом анализе души и вот сейчас. Ниврат обернулся: в конце музейного пространства находилось существо, по облику похожее на мыслящего из четвёртой ступени.

— Это экскурсант, всего лишь очередной экскурсант, мало ли их здесь, — успокаивал себя Ниврат.

Но почему волнение начало переходить в тревогу? Он ещё раз обернулся и понял, что это за экскурсант. На него воинственно надвигался Баскак. Ниврат чувствовал недоброе, он понял, что враг мобилизует магнитную энергию и вот-вот она будет направлена на него. Из глубин души Ниврата, складываясь по крупичкам, нарастала злобная ненависть. Он развернулся и усилием воли включил деструктор памяти, в поле которого попал Баскак. Через мгновение в электронной оболочке Баскака мирно спала душа ещё не родившегося младенца.

10

Любава виновато предстала перед Матерью Божьей. Она хотела каяться, плакать. Во второй раз не уберегла сына от убийства. Нужны знания, чтобы воспитывать такую тонкую душу. Мать Божья, излучая божественную, умиротворяющую энергию, величественно приблизила Любаву, обласкала её:

— Любавушка, сестра моя, аналитики предлагают решение. Нельзя загубить тонкую душу Ниврата, но и зло извлечь из неё надо. Найден только один способ: у Ниврата сотрут в памяти всё. Всё, кроме психоэмоционального роста, активность его будет приглушена. Он родится вновь.

Любава обомлела: «У него будет другая мать?»

— И не только у него, но и у его врага Баскака. Они родятся снова и у одной матери в своём прежнем облике, они будут братьями. Только так, только любовью к брату можно погасить зло в их душах. А ты, Любавушка, теперь не только Ниврата, но и Баскака старший наставник.

11

У каждого измерения своё время, но Любава точно знала, сколько лет прошло на Земле. Её дитячко стал неузнаваем, и Любава видела, как тяжело уходит зло из души Ниврата-Николая: легко его запустить в душу, изжить трудно. Да и дано не всякому. Вот он его вытолкнул на самый край, ещё толчок, ещё стресс, но оно повисло у края, отчаянно сопротивляясь, не хотело уходить.

Помочь, помочь нужно Ниврату, вытолкнуть эту нечисть!

Любава вновь предстала перед Матерью Божьей, хотя знала, что вновь материализоваться позволялось лишь совершенным душам, а Любава этого ещё не достигла. Но в том-то и величие Божье, что все чистые промыслы известны наперёд.

— Двух земных часов тебе хватит? — спросила божественная и обласкала Любаву.

12

Николай Сергеевич открыл глаза. Любава сидела рядом и, улыбаясь, глядела на сына. Она знала, что у него никогда не было так светло на душе. Она чувствовала, он хочет быстрее подняться, бежать к Борису, по-братски обнять его и просить у него прощения.

— Ну, вот мы и победили, дитяtko, победили зло — самый страшный порок Вселенной.

Они оба ликовали. Ниврат прижался к Любаве, сердце его колотилось, эмоции переполняли его, а в душе звучала божественная музыка космоса.

— Мне пора, — поднялась Любава.

— И мне собираться, мама?

— Нет, дитяtko, нет! Матерь Божья поручит тебе скоро одну важную миссию на этой Земле, ты ещё немало проживёшь здесь.

Любава поцеловала Ниврата в лоб, отошла на два шага и растаяла.

Николай Сергеевич ещё долго ощущал, что она здесь, рядом. На душе было удивительно чисто и светло...

В дверь позвонили, Николай Сергеевич побежал открывать. Пришли жена и дочь, он обнял их и расцеловал:

— Как хорошо, что я ещё поживу здесь, на этой Земле!